

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Р. Ю. Виппер: историк московской школы

В статье рассматриваются основные составляющие процесса становления Р. Ю. Виппера как одного из наиболее ярких представителей исторической школы Московского университета конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Московский университет, историко-филологический факультет, всеобщая история, философия истории, учителя и наставники, учебники истории, лекция.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

R. Ju. Vipper: a Historian of Moscow School

In the article the basic components of the formation process of R. Ju. Vipper as one of the outstanding representatives of the historical school of Moscow University at the end of XIX – the beginning of XX century are regarded.

Keywords: Moscow University, Faculty of History and Philology, General History, Philosophy of History, teachers and supervisors, textbooks on History, a lecture.

В предыдущем номере данного журнала мы начали исследование вопроса о становлении историка в Императорской России на примере профессора Харьковского университета Владислава Петровича Бузескула [1], рассматривая становление как процесс постоянного взаимодействия личности историка и окружающей его среды – семьи, учебного заведения, города, страны, учителей и наставников, отечественных и зарубежных коллег и друзей. В статье речь пойдет о выдающемся отечественном историке московской школы Роберте Юрьевиче Виппере, личность и творчество которого не раз становились предметом исследования в дореволюционной, советской и современной России [2].

Р. Ю. Виппер родился в Москве в 1859 г. в семье преподавателя точных и естественных дисциплин, выпускника Московского университета, Юрия Францевича Виппера. Своим становлением как ученого и педагога Р. Ю. Виппер в значительной степени был обязан отцу. Среднее образование юноша получил в гимназии при Лазаревском институте восточных языков, где его отец преподавал географию и математику. Способности к древним языкам, склонность к истории, выявленные в гимназии и поддержанные в семье, как и природная любознательность, определили потребность Р. Ю. Виппера продолжить образование на историко-филологическом факультете Московского университета, куда он поступил в 1876 г.

В 1880 г., после окончания Московского университета, Р. Ю. Виппер несколько лет преподавал в московских училищах и гимназиях, параллельно работая над докторской диссертацией «Церковь и государство в Женеве XVI века, в эпоху кальвинизма». Здесь молодой исследователь не ограничился источниками из архивов Москвы и Санкт-Петербурга – в 1887–1889 и в 1892 гг. он работал в книгохранилищах Берлина, Вены, Мюнхена и Парижа. В 1894 г., после присуждения ему ученой степени доктора, Р. Ю. Виппер стал профессором кафедры всеобщей истории Новороссийского университета в Одессе. Здесь он разработал курсы почти по всем дисциплинам кафедры, в том числе и по истории Древней Греции и Рима. С 1897 по 1901 г. он вновь приступил к учебной деятельности в Москве, будучи востребованным преимущественно в средних учебных заведениях. В 1901 г. Р. Ю. Виппер стал ординарным профессором Московского университета по кафедре всеобщей истории. В своей Alma Mater он, как и в Одессе, читал курсы по всем разделам всеобщей истории, вел специальные курсы по проблемам теории исторической науки и историографии, теории исторического познания.

Испытывая глубокую благодарность и признательность отцу, щедро дарившему свой педагогический опыт сыну и никогда не скупившемуся расплачиваться за обучение своего первенца далеко не лишними семейными накопления-

ми, Р. Ю. Виппер вместе с тем считал своими истинными учителями и подлинными наставниками профессоров Московского университета В. О. Ключевского, А. А. Шахова и В. И. Герье.

В. О. Ключевский одним из первых профессиональных историков России признал роль экономического фактора в историческом процессе [3]. Р. Ю. Виппер также воспринял мысль о важности экономического фактора и применил это положение к изучению истории Древнего мира. Достаточно обратиться к «Очеркам истории Римской империи», вышедшим в 1908 г. и переизданным в 1923 г., а также к «Истории Греции в классическую эпоху» (1916 г.), чтобы убедиться в этом. В этих учебных изданиях важное место отводилось вопросам аграрных отношений, развитию ремесла и предпринимательских видов деятельности. Важнейшие события греко-римской истории: войны, сословная и политическая борьба – рассматривались в теснейшей связи с основными тенденциями экономического развития античных государств. Экономическое развитие трактовалось Р. Ю. Виппером как «могущественная пружина материальной жизни», во многом определявшая политическое, культурное, религиозное развитие общества [4].

Заметим, однако, что экономический фактор не выделялся Р. Ю. Виппером из совокупности других «сил», присутствовавших в историческом развитии древних народов. В не меньшей степени, чем материальная жизнь, его привлекали идейные, политические, религиозные, демографические, этические «факторы». Р. Ю. Виппер был уверен в том, что подчеркнутое выделение какой-то одной, пусть даже очень важной, стороны жизни общества неминуемо приведет к упрощенной трактовке сущности исторического процесса, а недооценивание всего многообразия «сцеплений» исторических элементов неизбежно сделает исследование поверхностным, схематичным [5].

Из научного наследия В. О. Ключевского Р. Ю. Виппер заимствовал также пренебрежительное отношение к схематичному изучению истории социальных групп, интерес к общественным структурам, возникавшим в различные исторические эпохи, и идею о влиянии социальных идей на развитие общества.

Интерес к социальной истории Древней Греции и Рима был у Р. Ю. Виппера глубоким и постоянным. Он пытался не только проанализировать и оценить процессы общественной эволюции в античных государствах, но и нередко дать

определения историческим и социологическим понятиям. Так, знакомство с «экономическим материализмом» нашло свое отражение в довольно близкой к марксистской дефиниции класса. По его мнению, классы различаются условиями владения и организации труда, условиями имущественного обмена и имущественных столкновений, профессиональными и образовательными связями, а также соперничеством [6]. Он утверждал, что причины образования классов кроются в развитии землевладения и распределения земельной собственности [7]. Он нередко критиковал известных зарубежных историков (например, Н. Д. Фюстель де Куланжа, О. Тьерри) за поверхностное отношение к глубинным процессам общественного развития, в частности, за недооценивание экономических факторов при рассмотрении механизмов образования классов [8].

Подобно В. О. Ключевскому, Р. Ю. Виппера долгое время (по крайней мере, до 1908 г.) [9] не привлекали вопросы, связанные с изучением закономерностей развития народов в древности, так как он разделял точку зрения своего учителя о том, что бесчисленные исторические явления слагаются из сравнительно небольшого числа «первичных элементов развития», однопорядковых, равнозначных сил, или факторов. Первоначала группируются в комбинации, подчиняющиеся обстоятельствам «места и времени», и многообразие их проявлений определяет специфику культурно-исторического процесса [10].

Сравнительно небольшое число комбинаций, объемлющих всю историю общества, их взаимосвязанность и настойчивая повторяемость на протяжении всего пути исторического развития народа, отсутствие возможности появления принципиально новых образующих историю элементов и их комбинаций (по Випперу – «сцеплений») – эти положения В. О. Ключевского были заимствованы Р. Ю. Виппером для доказательства наличия константных основ существования человечества и отрицания теории прогресса [11]. Следование этому постулату позволяло ему также модернизировать далекое прошлое и архаизировать современность [12]. Не испытывая потребности в популярной в конце XIX в. «теории циклов» для доказательства неизбежного прохождения каждым обществом аналогичных стадий в своем развитии, Р. Ю. Виппер без запинки мог аргументировать свои асинхронные построения древней истории тем, что ограниченный набор комбинаций, сложенный из неизмен-

ных компонентов исторического существования, делает повторяемость однотипных социально-экономических элементов запрограммированной.

В. О. Ключевский решающую роль в исторической динамике отводил коллективному началу, сознательно отодвигая индивида на второй план, рассматривая его порождением своей эпохи и выразителем идей своего времени, намеренно сглаживая «гениальность» личности будничной трактовкой повседневной жизни «героя». Р. Ю. Виппера сближало с В. О. Ключевским схожее отношение к выдающейся личности: подобно своему учителю, он был далек от мысли о переоценивании значения исторических персонажей, способных изменить плавные движения истории. Такая позиция, в свою очередь, совпала с близкой Р. Ю. Випперу идеей континуитета – отсутствия дискретности в этапах исторического развития народов, принципами эволюционизма и поступательного развития, которых он придерживался.

Многолетнее знакомство с опытом преподавания В. О. Ключевского и его трудами способствовало также оформлению интереса Р. Ю. Виппера к гносеологическим проблемам истории, побуждало его тщательно прорабатывать содержание своих исторических курсов, заставляло заботиться о доступной и увлекательной форме изложения, превращало его педагогическую деятельность в Московском университете в «главный смысл... жизни» [13].

На первом году обучения в университете Р. Ю. Виппер познакомился с блестящим лектором А. А. Шаховым, читавшим курс о французском Просвещении. Преданный идеям позитивизма, А. А. Шахов пропагандировал на своих занятиях основополагающий в позитивизме принцип единства и взаимообусловленности всех сторон жизни общества – консенсуса – и стремился обнаружить в формах сознания и общественных институтах тот комплекс наиболее значительных идей эпохи, которые находили свое отражение во всех проявлениях религиозной, социальной и политической жизни общества. А. А. Шахов самым пристальным образом изучал литературные произведения эпохи Просвещения, понимая под литературой, наряду с произведениями художественного творчества, философские доктрины, «крупные научные исследования по общим вопросам» – словом, «все произведения человеческой мысли», в которых отражается мировоззрение известной эпохи [14]. Сохранившееся до наших дней нарративное наследие по

изучаемой эпохе рассматривалось им и как продукт общественного развития, и как источник для его изучения.

Р. Ю. Виппер унаследовал от А. А. Шахова стремление понять «всепронизывающий комплекс идей и настроений» [15], которые определяют эволюцию общественной мысли, формируют психологические настроения эпохи, оказывая тем самым влияние на весь исторический процесс.

Подобно А. А. Шахову, Р. Ю. Виппер подчеркивал вместе с тем одинаковую значимость духовного и материального начал в жизни общества, о чем свидетельствует одно из самых крупных его исследований «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв.», имеющее подзаголовок «В связи с общественными движениями на Западе» (М., 1900). Учебная литература для вузов, созданная Р. Ю. Виппером, показывает, что, наряду с хорошими знаниями всего богатства литературы греко-римского периода, он отдавал предпочтение рассмотрению процессов социально-экономического развития изучаемых народов, а не их культурных достижений, и привлечение фрагментов поэтических сочинений, философских и исторических трудов производится им, как правило, для иллюстрации или доказательства выдвинутого положения об эволюции социально-экономической жизни, а не для того, чтобы восторгаться художественными достоинствами или богатством идейного содержания произведений античных авторов.

Импонировало Р. Ю. Випперу также одно из центральных положений мировоззрения А. А. Шахова, явно свидетельствующее о том, что он, вслед за своим учителем, разделял идейные убеждения позитивистов, – обоснование плавного, постепенного развития народов, признание наличия переходных стадий между эпохами, когда длительное время сосуществуют старое и новое, традиционное и прогрессивное.

В своих учебниках по древней истории, изданных до 1917 г., Р. Ю. Виппер не злоупотреблял понятием «революция», он не замечал революций рабов, в отличие от историков советского времени, не считал революционным в Риме характер перехода от республики к империи, не допускал и мысли о том, что римская держава погибла в результате грандиозных восстаний рабов.

В послереволюционных изданиях (к примеру, во втором издании «Очерков истории Римской империи») текст учебников перенасыщен рево-

люционной терминологией. Любые проявления социальных конфликтов, борьбы политических группировок, противоречий в гражданском коллективе называются им революцией. Подобно А. А. Шахову, он подразумевал под революцией любое вооруженное столкновение противоборствующих социально-политических групп [16], вызванное конкретной ситуацией, но не действием абстрактных умозрительных законов общественного развития, непонятных человеку.

Признавая за Р. Ю. Виппером вынужденное проявление политического угодничества, мы все же еще раз отметим, что он, как и А. А. Шахов, не считал революции неизбежным и неотвратимым событием. Никогда изучение «революций рабов» или «городского пролетариата» не становилось для него актуальной научной задачей [17]. Он всегда сохранял интерес к выяснению общего хода исторических событий, типичным характеристикам эпохи, природы исторического процесса – тем основным направлениям исторических исследований, которые сформировались во время его обучения в Московском университете на курсе у А. А. Шахова.

Среди именитых учителей Р. Ю. Виппера был и В. И. Герье, читавший в то время курсы «Эпоха реформации» и «Эпоха революции». Позже, причисляя себя к историкам-философам, Р. Ю. Виппер утверждал, что интерес к гносеологическим проблемам истории в нем был разбужен именно В. И. Герье, который «положил в нас основу философско-исторической концепции судьбы человечества» [18]. Кроме того, посещая исторические семинары профессора, где он приобретал первоначальные навыки интерпретации источников, источниковедческого и историографического анализа, он впервые смог обнаружить в себе склонность к научно-исследовательской деятельности.

Занимаясь вопросами исторического познания, В. И. Герье, как и многие его коллеги по университету, пытался понять статус истории как области научного знания, разобраться в достоверности и объективности выводов предшественников, для чего ему перво-наперво потребовалось выяснить принадлежность истории к общественному или естествознанию, то есть к описательным или номотетическим наукам. Уклоняясь от однозначного вердикта о статусе истории, В. И. Герье обращал внимание на то, что история занимается изучением фактов, что неизбежно заставляет исследователя выявлять законы развития общества. Данное обстоятельство

сближает историю с естественнонаучными дисциплинами, формулирующими объективные законы развития неорганического мира. Изучение закономерностей процесса исторического развития создает возможность превращения истории в науку. Вместе с тем В. И. Герье подчеркивал, что история занимается также изучением действий человека, а между целеполаганием человека и явлениями физической природы имеются существенные различия. Методы естественных наук бессильны при изучении намеренного или случайного характера действий людей. Воля, самосознание, стремление человека не подчинены естественной необходимости и не обладают закономерностями. Однако эти рациональные и психологические начала нередко выполняют функции причин явлений, дополняющих и конкретизирующих историческую необходимость [19]. Следовательно, делал вывод В. И. Герье, своеобразие истории заключается в том, что она обязана использовать методы естественных наук, когда изучает социологические процессы и пытается дать им приближенную к действительности оценку, но в то же время она должна умело соединять их с противоположными методами, позволяющими проникнуть в сознание человека и его духовный мир. Постигание субъективного момента истории подвластно только историку-философу: гарантией адекватности создаваемого им «образа истории» должны служить высокая нравственность ученого, его развитая эстетическая культура и непреодолимый интерес к философским аспектам истории [20].

Однако В. И. Герье не мог не заметить, что создание «образа истории» неизбежно все же приводит к «преломлению» истории, то есть к ее искажению, потому что историк, приверженный идеям своей эпохи, будет невольно стремиться обнаружить их и в прошлом. Кроме того, в ходе работы историк может неосознанно приукрашивать, расцветивать прошлое, потому что история так же близка к науке, как и к искусству [21].

Мысли В. И. Герье о «промежуточном статусе» истории, о неотвратимом искажении прошлого в сознании исследователя в ходе «субъективного синтеза» его собственных воззрений с не менее субъективными письменными свидетельствами предшествующих эпох были брошены на благодатную почву. В своей научной деятельности Р. Ю. Виппер не только руководствовался этими положениями – он превратил их в теорию, разрушающую всякую уверенность в существовании возможностей объективного познания

прошлого. Как отмечал А. А. Кизеветтер, «из школы Герье вышел проф. Виппер, далеко отошедший от этого направления в сторону новых течений европейской исторической школы» [22]. Это обстоятельство приводит к охлаждению личных отношений учителя и ученика [23].

Влияние В. И. Герье на Р. Ю. Виппера проявилось и в том, что он отказался воспринимать историю как точную науку. Ему претили схемы, периодизации, омертвевшие лженаучные догмы. Он любил расцветивать проблемы древней истории, подобно античным историкам. Ему нравилось возбуждать интерес и живым повествованием, и умело поставленными научными проблемами, и оригинальной их трактовкой. Р. Ю. Виппер, как и его наставники, В. О. Ключевский и В. И. Герье, превратился в художника слова, много внимания уделявшего яркости, образности, выразительности языка изложения.

Об этой стороне его таланта говорят учебники, в меньшей степени, чем монографии, отвечающие критериям академизма. Современник Р. Ю. Виппера академик К. Н. Успенский в рецензии на «Историю Греции в классическую эпоху» писал: «Она доставляет, несомненно, великое удовольствие как истинно художественное произведение» [24]. В. П. Бузескул, непревзойденный в России знаток древнегреческой истории, также среди достоинств этого учебника Р. Ю. Виппера называл образный и выразительный язык [25].

Учебники Виппера возникли как результат чтения курсов лекций в Московском университете, они не потеряли своей актуальности и в наши дни. Роберт Юрьевич читал лекции по заранее написанному тексту, где было продумано каждое предложение и каждое слово. Вся его учебная нагрузка как профессора университета состояла из двухчасовой лекции один раз в неделю, все остальное время он тратил на ее подготовку. На его лекции по истории Древнего мира, которые он читал для студентов, ходили не только учащиеся историко-филологического факультета, но и студенты и преподаватели других факультетов [26].

Р. Ю. Виппер не поддержал приход к власти большевиков и не собирался менять свои мировоззренческие принципы, соответственно, он стал объектом критики со стороны марксистов, включая В. И. Ленина [27]. Высылка в 1922 г. из страны большой группы российских интеллектуалов, не разделявших большевистских убеждений, видимо повлияла и на Р. Ю. Виппера. Он решил эмигрировать из Советской России,

предварительно добившись отставки и получив право на пенсию. В 1924 г. он с семьей переехал в Латвию и стал профессором Рижского университета. Здесь он по-прежнему напряженно работал. Воспитанные московской школой установка к неустанному труду и научная добросовестность проявились в том, что он увлекся аграрными отношениями в Прибалтике в XVIII в., и, сидя в архиве Латвийской академии наук, от руки переписывал документы на немецком и латинском языках [28].

После присоединения Латвии к СССР, Виппер по приглашению Советского правительства в начале 1941 г. вернулся в Москву, и возвращение его было триумфальным. В 1943 г. он был избран академиком и до конца своих дней являлся научным сотрудником Института истории АН СССР. Конец жизни Р. Ю. Виппера был омрачен очередным всплеском подозрительности к его мировоззренческим установкам. Президиум Академии наук отказался официально отмечать его 95-летие под надуманным предлогом, что дата «не юбилейная» [29].

Итак, мировоззрение Р. Ю. Виппера и его литературный талант формировались в благодатной для интеллектуального и духовного развития атмосфере учебных аудиторий историко-филологического факультета Московского университета. Лекционные занятия и семинары профессоров, личное общение с ними и изучение их трудов давали возможность понять их отношение к идейно-философским учениям XIX в., их способность реагировать на возникавшие в научных кругах споры о сущности истории и методах ее исследования, воспринимать наиболее важные и актуальные для истории XIX в. проблемы научного поиска, анализировать индивидуальные подходы и приемы восхождения к научной истине.

Основные направления научных исследований Р. Ю. Виппера и особенности организации в его трудах научного материала нередко демонстрируют принадлежность ученого к исторической школе Московского университета. Однако, не скрывая прочной связи с учителями и наставниками в деле научного и профессионального становления, Р. Ю. Виппер все же любил подчеркивать свою самостоятельность и оригинальность мышления, позиционируя себя не просто историком, но историком-философом. На протяжении всей жизни он не прекращал работы над углублением своих познаний в социологии, философии, психологии, занимался поиском своей научной парадигмы. В теоретических работах

Р. Ю. Виппер обосновывал свое отношение к новым научным теориям гносеологического и онтологического характера, отказывался от убеждений, которые начинали ему казаться ошибочными или несовершенными. Противоречивость отдельных его теоретических построений определяется эволюцией гносеологических воззрений ученого, сменой методологических ориентиров, появлением новых научных интересов и пристрастий.

Увлекавшие его методологические проблемы были неотъемлемы от общего пространства европейской научной мысли, разрабатывавшей «вечные» в общественном сознании темы: закономерности и случайности в истории, роль объективных факторов и субъективных начал в общественно-политическом развитии, степень доверия к историческим материалам прошлых веков и возможности адекватного соотношения выводов историков с реально проходившими историческими процессами древности.

Примечания

1. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Становление историка в Императорской России [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 1. – С. 13–22.

2. См., например: Бузескул, В. П. Профессор Р. Виппер. Лекции по истории Греции [Текст]. Ч. I. – М., 1905. – 230 с. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1905. – Октябрь. – С. 405–436; Сафронов, Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время [Текст]. – М., 1976; Володихин, Д. М. Критика теории прогресса в трудах Р. Ю. Виппера [Текст] // Вопросы истории. – 1999. – № 2. – С. 153–162; Перфилова, Т. Б. Образ античной истории в «умственных разрезах» Р. Ю. Виппера [Текст] / Т. Б. Перфилова; под ред. М. В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. – 345 с.; Р. Ю. Виппер и историческое образование: вопросы дидактики [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 3. – С. 42–48; Р. Ю. Виппер и конструирование «образа» античной истории в учебной литературе [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 4. – С. 57–65; Р. Ю. Виппер и развитие теории исторического познания [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2007. – № 3. – С. 33–44; Теоретико-методологические взгляды Р. Ю. Виппера [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 2. – С. 77–82; Модернизация древней истории в творчестве Р. Ю. Виппера и В. П. Бузескула [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 2. – С. 96–100.

3. «Я не ошибусь, – писал В. О. Ключевский, – если скажу, что с самого начала по нашей истории проходит неизменно один факт, именно: явления экономические предшествуют политическим и служат их источником...» // Ключевский В. О. Курс древней русской истории. – М., 1880. – С. 69, 178.

4. Виппер, Р. Ю. Социальная философия Сен-Симона. По поводу книги И. Иванова «Сен-Симон и сенсимонизм» [Текст] // Мир божий. – 1902. – № 2. – С. 218.

5. Виппер, Р. Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука [Текст] // Вестник воспитания: Научно-популярный журнал для родителей и воспитателей, издаваемый наследниками Е. А. Покровского / под ред. Н. Ф. Михайлова. – М., 1898. – № 1. – Январь. – С. 31, 35.

6. Виппер, Р. Ю. Очерки истории Римском империи [Текст]. – Берлин, 1923. – С. 353, 354.

7. Виппер, Р. Ю. Лекции по истории Греции [Текст] // Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало): Избранные сочинения: в 2 т. – Т. 1. – Ростов н/Д, 1995. – С. 55.

8. Там же. – С. 49, 50.

9. Нам удалось обнаружить, что восприятие Р. Ю. Виппером проблемы наличия закономерностей в истории претерпевало изменения. В 1900 г. он критиковал представителей позитивизма за стремление обнаружить в повторяющихся явлениях отражение «законов явлений» // Несколько замечаний о теории исторического познания // Две интеллигенции и другие очерки: Сб. статей и публичных лекций. 1900–1912. М., 1912. – С. 27.

В 1903 г. он, резюмируя достижения этнологии к концу XIX в., уже заявлял о поражавших его сознание фактах «выразительной и настойчивой» повторяемости в истории фаз эволюции народов, наличия «типических особенностей» в картине «социальной эволюции человечества». Обилие аналогий в социокультурном развитии всех первобытных народов заставило его задуматься о наличии «главных движущих и организующих сил общества» // Новые направления философии общественной науки // Две интеллигенции... – С. 153–156, 161.

В 1908 г., разбирая преимущества эмпириокритицизма, Р. Ю. Виппер заявляет, что описание исторических явлений позволяет установить «правильные соотношения» между рядами повторений и совпадений. «Мы... все более приходим к признанию того общего принципа, что социальные явления – не горы случайностей, не арена волшебных скачков, а группы постоянных сцеплений, образующих механические повторяющиеся единства. Все ближе мы подходим и к установлению «законов» этих сцеплений...» // Реакционный идеализм и новая наука // Две интеллигенции... – С. 278.

Данную фразу можно трактовать как признание Р. Ю. Виппером наличия закономерностей в социальной истории общества.

10. Ключевский, В. О. Курс русской истории [Текст]. – Т. 1. – М., 1956. – С. 18, 19.
11. Виппер, Р. Ю. Новые направления в философии общественной науки [Текст] // Две интеллигенции... – С. 164.
12. Сафронов, Б. Г. Указ. соч. – С. 59.
13. Виппер, Р. Ю. Пятьдесят лет дружбы с Д. М. Петрушевским [Текст] // Средние века. – М.; Л., 1946. – Т. 2. – С. 32.
14. Шахов, А. А. Гете и его время [Текст]. – СПб., 1891. – С. 3–6.
15. Сафронов, Б. Г. Указ. соч. – С. 75.
16. Сафронов, Б. Г. Указ. соч. – С. 73, 74.
17. Восстанию Спартака в «Очерках истории Римской империи» он уделит всего полстраницы. См.: Виппер, Р. Ю. Очерки истории Римской империи [Текст]. – Берлин, 1923. – С. 159.
18. Сафронов, Б. Г. Указ. соч. – С. 76, 86.
19. Герье, В. И. Очерк развития исторической науки [Текст]. – М., 1865. – С. 14, 107–114.
20. Там же. – С. 113, 114.
21. Там же. – С. 113.
22. Цит. по: Сафронов, Б. Г. Указ. соч. – С. 140.
23. Там же. – С. 140–141.
24. Голос минувшего [Текст]. – 1917. – № 11–12. – С. 351.
25. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века [Текст]. – М., 1931. – Ч. 2. – С. 190.
26. Портреты историков: Время и судьбы [Текст]: В 2 т. Т. 2. Всеобщая история / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. – М.; Иерусалим, 2000. – С. 8.
27. См.: Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 27.
28. Портреты историков. – С. 12.
29. Там же. – С. 14.